

Дальнее — близкое — эпизод 27 из 31

Пока мы пытались преодолеть трудности добывания «деревянного огня», погода, как это иногда бывает на Урале, резко переменилась, стало холодно, подул северо-западный ветер и начал разводить волну. Сперва нас это даже порадовало: все-таки на необитаемом и в бурю, да и обратно при попутном ветре плыть легче. Нас занимало, когда по гладкой поверхности воды побежали пятна ряби. Мы видели, как они, сбегаясь и разбегаясь, перешли в бесформенное волнение, из которого вскоре возникли определенные ряды волн. Когда на волнах стали появляться белые гребешки, мы стали отыскивать «девятые валы». Так как невозможно было точно сговориться о ряде, с которого начинать, то счет у нас не сходился и возникал спор, который вал «девятое»?

Мы видели, как с пруда поспешно уходили лодки. Один из рыбаков, проезжавший вблизи острова, крикнул:

— Пора домой, ребяташки! Скорей убирайтесь!

Нас обидел этот окрик неизвестного, и Миша ему ответил:

— Не маленькие! Без тебя знаем.

Западная сторона пруда теперь стала совсем безлюдной и мрачной, ветер усиливался, и начинало темнеть. Стало страшновато, но именно поэтому каждому из нас не хотелось первому заговорить о возвращении. Еще постояли, но уже оба томились желанием поскорее добраться до дома. Я дипломатически выразил опасения:

— Дедушко-то, поди, сердится, что долго лодку не ведем. Другой раз ключа не даст.

— И то, — быстро согласился Миша. — Пожалуй, пора домой.

Но когда мы подошли к месту остановки, то лодки не оказалось. Ее, как видно, скачало волной, пока мы считали «девятые валы». Нам-таки пришлось провести довольно прохладную ночь на «необитаемом острове в бурю», и ни один из нас не мог похвалиться, что это доставило ему удовольствие. Мы сначала до хрипоты кричали в сторону плотины, потом перекорялись друг с

другом, по чьей вине упустили лодку, а когда увидели на берегу двигавшиеся огни фонарей, всплакнули над своей участью.

— Думают, видно, что мы утонули.

Миша ждал телесных неприятностей. Мне это, пожалуй, не грозило, но было хуже: мой «случай с городской учебой» ставился под удар. На выручку пришло «страшное». Оно заслонило все остальное. Вспомнились разговоры о щуке, которая втягивает в пасть целую утку, о гигантском налиме, который выходит на берег и может «присосаться». А вдруг он тут близко? На всякий случай отодвинулись от берега. Все-таки холод осенней ночи оказался сильнее «страшного». Мы сначала подпрыгивали и стучали зубами в одиночку, потом занялись добыванием «внутреннего тепла»: стали бороться. Кончилось тем, что мы, примостившись от ветра за скалистым выступом, прижались друг к другу и крепко уснули. Холод, однако, поднял обоих нас рано, и мы издали увидели, что по направлению к острову шла большая четырехвесельная лодка. В носовой части сидели дедушка Миши, дальше — его отец и старший брат. К своему удивлению, я увидел, что и Никита Савельич в лодке. Екнуло сердце: что будет? Мы даже готовы были куда-то бежать, когда лодка стала подходить к острову, но все переменял выкрик дедушки:

— Испужались, мошенники!

В голосе вовсе не слышно было угрозы, и Миша стал уверять:

— Ничего не испугались! Подумаешь, беда, лодку унесло!

— Рот разинешь, так не то, что лодку, голову унесет. А это ты врешь, что не испугались. На берегу слышно было, как оба ревели да маму кричали! Видишь, голос осип и глаза подпухли.

По части мамы была явная выдумка, но почему-то все в лодке засмеялись над этим. Верили, видно, а дедушка Миши звал:

— Идите скорее, — уши драть буду.

В нашем положении не оставалось ничего другого, как идти в лодку. И дедушка, подхватив Мишу, неожиданно заплакал.

— Испужал ты меня, Мишунька!

Тут пришла мишина очередь, и он «в голос заревел», обращаясь к отцу:

— Не буду, тятя!

— Ладно уж! — промолвил тот. — Надевай вон полушубок. Намерзся, поди?

Только старший брат проворчал:

— Сделал ты меня именинником!

Но отец строго оговорил:

— Не зуди! Со всяким может случиться.

— А ты, Егорко, что скажешь? — спросил меня Никита Савельич.

— В Робинзоны мы играли, — начал я оправдываться.

— Вы играли, а мне отдуваться! — сухо проговорил он, потом более ласково: — На-ка плед. Закутайся хорошенько. Продрог, наверно.

В волокитинских книжках мне не раз случалось встречать такие слова, как плащ и плед, но я не знал, что плед — большая шаль, в какую обыкновенно кутаются женщины, отправляясь зимой в дорогу. Я не умел с ней обращаться, да и стыдно было в «бабью одежду снаряжаться». Никита Савельич строго приказал:

— Разверни и набрось на плечи.